НАСЛЕДИЕ

Закирьян Аминев

DOI: 10.37492/ETNO.2021.66.4.010

Эпос «Урал-батыр» в культурном наследии башкир

Башкирский народ обладает огромным фольклорным наследием, которое служит бесценным источником по изучению его мифологических и космогонических воззрений. Автор исследует эпос «Урал батыр», записанный в 1910 г. башкирским фольклористом Мухаметшой Бурангуловым у двух выдающихся знатоков башкирской старины Габита Аргынбаева и Хамита Альмухаметова, и его влияние на картину мира башкирского этноса в широком этнокультурном контексте.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, картина мира башкир, башкирская культура, народный эпос, мифология, доисламское мировоззрение, реликты доисламских верований, нематериальное наследие, Урал.

Аминев

Закирьян Галимьянович,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Центра социальной культурологии
и антропологии Института
социально-политических
и правовых исследований
Республики Башкортостан
(Уфа), aminevZG@isi-rb.ru

Каждый народ обладает собственной неповторимой культурой, уникальным взглядом на мир и общество, на место в нем отдельного человека. В последние годы культурологи уделяют особое внимание этому феномену, который они называют «картиной мира», «моделью универсума», «образом мира», «моделью мира» и др. Картина мира каждого народа шлифуется веками. Башкиры, несмотря на свою тысячелетнюю принадлежность к культуре ислама, тем не менее до сих пор сохраняют многое из того, что называется «доисламская культура», «доисламское мировоззрение».

Современный башкирский народ, по мнению историков, сформировался на Южном Урале и прилегающих

к нему землях на базе местных ираноязычных сармато-аланских, тюркоязычных и финно-угорских племен [10, с. 229–230]. Башкирская культура и менталитет пронизаны Уралом: особенности природы данного региона всестороннее отражаются в картине мира башкир. Так, Р.Г. Кузеев, специалист по этногенезу башкир, отмечал: «Какие бы термины ни использовались для обозначения башкир – коренных жителей республики и более обширного региона, общественность сознает, что башкиры живут на своей исторической родине. Невозможно также не учитывать, что восприятие этого факта обыденным сознанием представителей башкирского этноса необычайно глубокое; оно нашло отражение во всех слоях богатой традиционной духовной культуры башкир. Развитие башкирской нации в указанном направлении будет постоянным» [25, с. 143].

Несмотря на участие в этногенезе башкир множества племен, относящихся к разным этническим мирам (индоиранский, тюркский и др.), мировоззрение, этническая картина мира, сформированные мифосознанием башкир, отличаются целостностью и единством, что обусловлено, по мнению многочисленных исследователей традиционной культуры, стилевым единством совокупности обычаев народа [35, с. 3], невозможностью для традиционного мировоззрения объяснять мир бесчисленным количеством причин и допущений [32, с. 27; 35, с. 9–11]. «В самые первые эпохи истории мы застаем человека с системным восприятием, – отмечает О.М. Фрейденберг. – Как в области материальной, так и в общественной и духовной первобытный человек с самого начала системен, и в этом его коренное отличие от стадного животного. Чем древнее культура, тем больше в ней внутренней связности, неподвижности, замкнутости» [36, с. 29]. Мировоззрение, религиозные представления башкир не могут быть хаосом

взглядов, обычаев, обрядов, а образуют систематизированную картину бытия, подчиненную определенной идее, объясняющей устройство мира, человеческого общества и место самого человека, как в мире, так и в социуме.

Традиционное мировоззрение конкретного народа не может опираться на несколько взаимоисключающих друг друга мифов, напротив, все части стройной мифологической системы в большой мере взаимосогласованны [21, с. 18]. В основе этой системы должен лежать один космогонический миф, играющий фундаментальную роль в мировоззрении людей, в их материальной и духовной культуре.

Люди издревле задавались вопросом: как, когда и каким образом возник мир, кто его создатель, что было до возникновения мира. По мнению В.Н. Топорова, космогонические мифы и космологические представления занимают особое место среди других форм мифопоэтического мировоззрения, поскольку описывают пространственно-временные параметры Вселенной, то есть условия, в которых протекает существование человека и помещается все, что может стать объектом мифотворчества. При этом космологические представления не полностью выводимы из космогонических мифов и отчасти реконструируются при анализе ритуалов, языковой семантики. Сфера космологического и космогонического для мифопоэтического сознания широка, поскольку оно отождествляет природу (макрокосм) и человека (микрокосм): человек создан из элементов мироздания, или, наоборот, Вселенная происходит из тела первочеловека [34, с. 6–9]. Таким образом, космогония повествует о том, в ходе каких процессов и действий возникает мир и миропорядок, а в космологии раскрывается устройство мира, социальный миропорядок и его закономерности [20, с. 122]. Вопрос кос-

могонию в мифологической картине мира – один из главных концептуальных моментов. Как отмечает Е.М. Мелетинский, «превращение хаоса в космос составляет основной смысл мифологии, причем космос с самого начала включает ценностный, этический аспект» [28, с. 169].

Башкирский народ обладает огромным фольклорным наследием – бесценным источником по изучению его мифологических и космогонических воззрений. Эпос «Урал батыр», записанный в 1910 г. башкирским фольклористом Мухаметшой Бурангуловым у двух выдающихся знатоков башкирской старины Габита Аргынбаева (1852–1921) и Хамита Альмухаметова (1861–1923), наиболее полно сохранил космогонические воззрения предков башкир. В основе эпоса лежат космогонические мифы, в которых через аллгорию, символы и коды описывается появление пространства и времени и мира (по-башкирски «Донъя», «Тормош»), появление в этом мире человека, общества, социальных и морально-этических норм. Как и в космогонии других народов, здесь основное внимание уделено процессу сотворения мира в мифические времена (по-башкирски – «борон-борон борондан», «альмисактан»). Эпос стал результатом поиска древними людьми ответов на вопросы, кем, когда и как был создан мир и человек в нем.

Эпос «Урал-батыр» – сакральный текст. Его воспроизводили только в определенное время, в определенном месте, в особых ритуальных условиях. В древности эпос нельзя было слышать непосвященным подросткам, не говоря уже о женщинах, которые, достигнув совершеннолетия, выходили замуж в другой род и могли унести тайные знания к чужим, что, по мнению носителей мифологического мышления, было недопустимо. Священный характер мифа определялся не им самим,

а связью его с различными значимыми для рода обрядами, предметами и местностями. Например, коренным австралийцам их мифы кажутся очень содержательными, прежде всего потому, что они «привязаны» к окружающей их местности, к знакомым урочищам, водоемам, скалам, ущельям. Мифы как бы осмысляют для австралийцев природную обстановку их жизни [33, с. 246–247].

По поводу недоступности для непосвященных сведений космогонического характера Л. Леви-Брюль писал: «Те, кому известны наиболее значимые мифы, никогда не дают белым ни малейшего повода заподозрить существование этого огромного мира туземного мышления, что эти вещи остаются для белых совершенно неизвестными. Старые хранители тайных знаний сидят в селении, немые, как сфинксы, и решают, в какой мере они могут, не навлекая опасности, доверить знания предков молодому поколению и в какой именно момент эта передача тайн может оказаться наиболее благоприятной. Если эти обстоятельства не оказываются, на взгляд стариков, достаточно благоприятными, то тайны умирают вместе с ними, хотя они умирают и не без скорби, что не сумели передать свои тайные познания остающимся, так как без этих знаний племя обречено на угасание» [26, с. 12–13].

Эти же закономерности работали и в случае с эпосом «Урал-батыр», который в силу сакральности содержания долгие годы оставался неизвестным, пока его не зафиксировал выдающийся собиратель башкирского фольклора М. Бурангулов. Исследователь не только оказался в нужное время в нужном месте, но и сумел внушить башкирским старикам – носителям тайного знания доверие, чтобы те рассказали ему содержание эпоса.

Этот эпос, подобно кораническому тексту, не имеет вариантов, он сохранился в одной-единственной за-

писи. Дошедшие до нас некоторые фольклорные произведения, которые также называются «Урал-батыр», представляют собой сказки или легенды, сохранившие определенные мифологические мотивы [40, с. 4]. Они не могут быть названы вариантами или версиями эпоса «Урал батыр», так как в них не освещаются те проблемы, которые поднимаются в одноименном эпосе, и в них нет поиска ответов на основополагающие космогонические вопросы и предназначение человека в мире. Для предков башкир до принятия ими ислама эпос «Урал-батыр» представлял ту же ценность, какую для арабов-мусульман представлял Коран. «Урал-батыр» объяснял мир, суть человека и требования, предъявляемые к человеку и обществу в целом. Даже приняв ислам, башкиры сохранили многое из доисламского культурного наследия, в том числе и свои космогонические воззрения, которые, приспособившись к новым условиям, продолжают существовать под исламской оболочкой и в наши дни.

«Миф – это священное сказание о том, как мир и человечество обрели нынешний вид» [15, с. 114], он всегда этиологичен и объясняет, что откуда пошло, это «всегда рассказ о каком-то «сотворении» [38, с. 63]. Ядро любой мифологии составляют мифы, которые рассказывают о происхождении из первоначального хаоса (в разных мифологиях он изображается по-разному) мира упорядоченного, который древние греки называли космосом. Почему космогонические мифы считались самыми важными? Согласно мифологической логике, сущность всякого явления или предмета кроется именно в его происхождении, и только это знание может дать ключ к настоящему пониманию явления или предмета. Это знание было необходимым и очень ценилось. По той же причине описать мир можно было только одним способом – рассказать, как

он творился. Зная, как мир был сотворен, или, что то же самое, как он устроен, легче в нем ориентироваться [2, с. 25–26].

В архаическом эпосе «Урал батыр» нашли свое отражение космогонические воззрения древних предков башкир. Основное внимание в нем уделено процессам сотворения пространства и времени, мира в целом, появлению человеческого общества, социальных и морально-этических норм. Эпос стал результатом поиска древними предками башкир ответов на вопросы о том, кем, когда и как был создан мир и человек в нем.

Согласно башкирской мифологии, в начале не было ничего, кроме мглы (*монар*). Если же миру суждено исчезнуть, то он вновь погрузится во мглу. В этой мгле появляется «туман, облако», которые превращаются в мировые воды, в первоначальный водный хаос («диңгез» – море) [6, с. 265]. Это не какое-то конкретное море, имеющее определенные границы, а скорее окружающее некое место («бер урын») мифическое безбрежное «море-океан», не имеющее категорий количества и качества. Он везде и всюду. Он безграничен, не упорядочен, не организован, аморфен, безвиден. «Диңгез» из «Урал-батыр» – это аморфная «вода». В башкирском языке для обозначения воды есть слово «һыу», но в мифологии и в фольклоре в целом для усиления количества, объема и всеохватывающего характера водного хаоса очень часто упоминается «море» («диңгез», «дарья», «дарай»). Человечество на протяжении многих тысячелетий олицетворяло вечно развивающуюся материю в образе бурлящего, изменчивого моря, текучей воды, не имеющей определенной установившейся формы [37, с. 169]. По мнению С.С. Аверинцева, вода в мифологии многих народов мира – «первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса» [1, с. 240].

В древних воззрениях башкир водная стихия характеризуется двойственно. С одной стороны, это враждебная человеку среда, непригодная для жизни, там властвуют существа, противостоящие всему живому. С другой же стороны, в эпосах «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылыу», предании «Кук Ирендык буйында» царь подводного царства щедро одаривает башкирских батыров многочисленными табунами прекрасных коней и другого скота. Однако в начале повествования, прежде чем одарить батыра богатством, владыка подводного мира и все подчиняющиеся ему существа всегда настроены враждебно к пришедшему в их мир батыру.

В мифологических представлениях многих древних народов, суша со всех четырех сторон окружена первоначальным хаосом-морем. Например, древние китайцы были уверены в существовании мировых вод, окружающих ойкумену. В мифах чероки земля – это огромный четырехугольный остров, плавающий в безбрежном океане воды. Интересные космологические сведения содержатся в письме Бага-Ышбара-кагана (Шаболио) суйскому императору, где Земля описывается в виде квадратного пространства, населенного по краям народами, враждебными тюркам; за пределами обитаемой суши лежат четыре моря, служащих абсолютным пределом мира [22, с. 245].

В эпосе «Урал батыр» «бер урын», переводимый на русский язык как «некое место» или «некая точка», где появляются первые люди, также окружен со всех четырех сторон морем. Данный «бер урын», с которого начинается процесс творения мира, символизировал собой также и первоначальную нерасчлененность. К нему неприменимы такие определения как «верх», «низ», «правое», «левое». Именно там невеста откуда появляются Янбирде (муж) и Янбика (жена). В эпосе нет объяснения, откуда и как появились эти два персонажа.

Их имена содержат понятие «душа» (йан), поэтому есть основание думать, что они являются башкирским вариантом мирового духа, материализовавшегося в виде Шульгана и Урала. Хотя в эпосе Янбирде и Янбика описываются как вполне земные люди, мы должны помнить, что речь идет об очень архаической эпохе. Человек в ту далекую пору господства мифологического мышления не мог представить такую нематериальную субстанцию «душа» чем-то неосоздаваемым, «как нематериальное начало жизни, нечто неуловимое, лишенное плоти и определенных форм, способное существовать отдельно от тела» [37, с. 50]. Для него «душа» всегда была с конкретным материальным содержанием, например, в виде насекомого и т. п. Поэтому души, данные в образах Йанбирде и Йанбика, у создателей эпоса и действуют как вполне земные люди, хотя и являются пока еще нематериализовавшимся духом. Только вселившись в Шульгана и Урала, эти души (Янбирде и Янбика) обретают дееспособность, могут действовать, двигаться и т. п.

Представления о первичности нематериального духа, впоследствии переходящего в материальное, обнаруживаются у многих народов. Например, в древнекитайском мифе о сотворении Мира, повествуется о глубокой древности, когда не было ни Неба, ни Земли, а окружающее пространство представляло собой мрачный и бесформенный Хаос. В беспросветном Мраке постепенно родились два больших духа Ян и Инь, которые постепенно в борьбе начали упорядочивать Мир. Дух Ян стал управлять Небом, а дух Инь – Землей. Так был создан окружающий мир [19, с. 191]. В Библии сотворение мира начинается с того, что «дух Божий носился над водой» (Быт., I:2).

Итак, в эпосе «Урал батыр» Мир начинается с того, что появляются два первоначальных Духа – Янбирде

и Янбика, которые после появления движения материализуются в образе Шульгана и Урала. Если первая часть имен Янбирде и Янбика – «йан» с современного башкирского на русский язык переводится как «душа», то мужское имя можно перевести как «душу дал» («душу давший»), а женское – «женская душа». Учитывая, что в этногенезе башкир принимали участие древнейшие индоиранские племена, когда-то населявшие просторы Южного Урала, можно выдвинуть предположение, что в эпосе в именах Янбирде и Янбика сохранилось древнейшее значение слова «йан». В частности, в ведийском *janas* / «род, порода», *janī-* «женщина» [4, с. 41]. *Janī* / «женщина; жена», из арийск. *janī-*, ср. др.-инд *janī-* «женщина, жена» (позднее *janī-*) восходит к индоевропейскому *ǵenə-* / «женщина; жена», авестийское *ǵənī-* / «женщина» [39, с. 141–142]. Вполне допустимо, что эти имена первоначально означали «начавшие, давшие род человечеству», «рождающее (порождающее) начало». Оба варианта значения слова «йан» в данном случае вполне подходят к космогоническим процессам, описываемым в эпосе «Урал батыр».

Из рассказа Янбирде своим сыновьям о событиях после всемирного потопа, можно понять, что место, где они появились с Янбикой, было влажное, озерное, болотистое [5, с. 39]. «Болотистость, влажность» характеризуют состояние переходности. В эпосе «Урал батыр» через «болото» как символ хаоса отражается основная идея мифологического мышления, что мир до начала акта творения был нерасчлененным. В башкирском фольклоре в качестве маркеров хаоса, кроме болота, иногда выступают «томан» (туман), «монар» (мрак, мгла), «болот» (облако). Например, очень часто наступление смерти, хаоса описывается как поглощение мира туманом и мглой или оставление всего под снегом. Если «туман», «мгла», «облако» – символы нерасчленен-

ности воды и воздуха, то «болото» – нерасчлененность воды и земли. Важно, что ни один из рассмотренных маркеров хаоса не противоречит другому. На стадии раннего синкретического мифопоэтического мышления они скорее всего, с одной стороны, входили на равных правах в общую развернутую характеристику хаоса, а с другой – каждый из них, взятый в отдельности, подразумевал эту характеристику во всей ее полноте.

Как необходимое условие возникновения мира «туман» упоминается и в древнегреческих мифах, где Хронос создает из эфира и из «темного тумана», наполняющего хаос, «серебряное яйцо» [37, с. 149]. Представление о хаосе одновременно как «вода», «туман», «болото» встречается также у манси, у которых Вселенная также появляется из такого же нерасчлененного, болотистого состояния. В космогоническом мифе манси говорится: «Не было ни деревьев, ни суши, везде была вода, везде туман» [24, с. 9].

Со слов героини эпоса «Урал-батыр» волшебной птицы Хумай, можно понять, что до того как в водном хаосе появился этот «бер урын» / «некое место», над безбрежным морем-хаосом ранее всего живого в мире появляется царь птиц по имени Самрау, который начал искать себе пару. Однако никого и ничего он найти не смог. Он один на свете, а под ним – безбрежное море. После долгих поисков он все же встретил Солнце и Луну, на которых и женится. Из контекста эпоса мы можем предположить, что Самрау – это само Небо. Известно, что в пору складывания мифологических воззрений у древних людей имена их богов-демиургов обозначали то, чем они являлись на самом деле. Еще Зенон говорил, что «имена Титанов всегда обозначали элементы мира. Кой ... обозначает качество..., Крий ... – царствующее и повелительное начало; Гиперион... – движение вверх... если же речь идет обо всем легком,

которое по своей природе стремится вверх, будучи осво-бождено... – эту часть он назвал Напетом» [30, с. 260]. М.Ф. Альбедиль относительно древнеиндийских божеств пишет: «Богом какого-либо явления» в древности чаще всего обозначалось само это явление: богом грома называли гром, богом дождя – дождь» [3, с. 57]. А.Ф. Лосев, исследуя образ древнегреческого божества Гефеста, пришел к выводу, что Гефест – это не просто обыкновенный земной кузнец, а есть само подземное царство, подземный мир [27, с. 31–32].

Данная закономерность действовала, думается, и в башкирской мифологии. Под именем Самрау древние предки башкир подразумевали само Небо. Таким образом, в эпосе «Урал батыр» после появления из мрака (*монар*) водного хаоса (*дингез*) внизу наверху появляется небо (*Самрау*), а потом и его жены – Солнце и Луна.

Космогонические мифы башкир описывают становление мира как результат последовательного появления основных бинарных оппозиций. На две части разделены не только Мир (*Донъя*), но и все в нем имеющееся – люди, животные и растения, цвета и числа и т. д.: вода – суша, земля – небо, мужчина – женщина, чет – нечет, белый – черный... Бинарные оппозиции относятся к разряду универсалий. Все человеческие сообщества, как нынешние, так и прошлые, делают различие между «мужским и женским», «жизнью и смертью», «днем и ночью», «светом и тьмой» и т. д. [15, с. 115–116].

Посредством бинарных оппозиций первобытное сознание просто и доступно объясняло себе один из основных законов диалектики, раскрывающей источник самодвижения и развития объективного мира – единства и борьбы противоположностей. В эпосе «Урал батыр» закон борьбы противоположностей лежит в основе представляемого древними башкирами процесса

появления «Донъя»/ «Космоса», «Мира» в целом, возникновение таких основополагающих параметров его существования, как пространство и время, места отдельного человека и человеческого общества в этих пространственно-временных координатах. Мир (Донъя), по представлениям предков башкир, создается в ходе непримиримого состязания двух родных братьев, которые и выступают создателями-демиургами. К событиям, описываемым в эпосе «Урал батыр» вполне применимы слова английского исследователя Р.Дж. Коллингвуда, который относительно времен мифологического мышления писал: «миф... вообще не касается действий людей. Он полностью очищен от человеческого элемента, и персонажами рассказа в нем выступают только Боги. И действия божеств, описываемые в нем, не события, случившиеся некогда; конечно, они мыслятся как имевшие место в прошлом, но в прошлом неопределенном, таком отдаленном, что никто даже не помнит, когда оно было. Оно вне всей нашей системы отсчета времени и называется «началом вещей» [23, с. 17]. Башкирские мифологические персонажи Урал и Шульган – это башкирские Боги, которые во времена первотворения произвели на свет Мир и все содержимое этого Мира. Они создатели его. Люди в этом эпосе практически никакой роли не играют, являясь безликой, серой и безмолвной массой. И о них в эпосе почти ничего не говорится.

Первоначально братья Урал и Шульган были нейтральны друг к другу, но с появлением движения и развития событий, борьба двух братьев становится непримиримой. При этом Урал-батыр создает «якты донъя»/ «светлый мир», облагораживает его и делает удобным для жизни всего живого. Урал становится символом всего светлого, положительного, а Шульган превращается в олицетворение всего темного, вредоносного,

символом его мира становится черный цвет. Шулган как олицетворение хаоса, темного, вредоносного начала в эпосе описывается как старший брат, то есть он по времени рождения первый, так же как первоначален водный хаос. Не случайно и то, что Шулган связан с водой, подводным и подземным миром. В эпосе «Акбузат», который исследователи считают логическим продолжением «Урал батыра», Шулган представлен как царь, владыка подводного царства.

Даже имена главных героев башкирского эпоса несут в себе в закодированной форме семантическую нагрузку и аллегорически объясняют принадлежность этих персонажей к этому или иному миру. Древние люди придавали огромное значение именам, полагая, что имя – это предопределение. Давая имя человеку или иному персонажу или называя то или иное окружающее человека явление, древний человек выражал через название свое отношение к ним, определял их место в своей иерархии.

Наш анализ персонажей башкирской мифологии еще раз подтверждает этот вывод специалистов. Слово «Урал», по-видимому, содержит в своей основе слово «ур», «өр, ор». По мнению Д.С. Дугарова, со ссылкой на Э.В. Севортьяна, корень «ур» восходит к дотюркомонгольскому «өр, ог» (в современных тюркских языках ур/ иҫ, урь/ иҫ, йур/јиг, өр/ог, өре/оге, уру/иги). Значения этих слов можно свести к следующему: 1) верх, подниматься вверх, восходить (о солнце); 2) сияние, зарево, рассвет, огонь, пламя, пожар; 3) всход, давать росток (о траве), умножаться, возрастать в числе (в количестве), приносить детенышей; 4) разбредаться, двигаться вверх (массой), расходиться (ночью для пастьбы скота), 5) колонна [17, с. 98–102.]. Этот же корень «ур» просматривается в древнетюркском «урун»/«светлый», белый» [41, с. 602] и в имени

«Урун-ар» (владыки девяти верхних ярусов мира) в якутском мифе [37, с. 124]. Олицетворение солнца в якутском мифе – Урун-айы-Тойон (белый светлый господин) [37, с. 204]. Во всех этих примерах ясно просматривается тот же корень «ур», который сводится к «светлому, ясному солнцу». Слова с корнем «ур», в значении «светлый, ясный, солнечный», имеются и в иранских языках. Так, например, у ираноязычных народов Горного Бадахшана есть слово «хур/ур» («солнце»). Имя древнеиранского светлого божества Ахурамазда в Бехистунской надписи в честь Дария читается как Урамизда/Урамазда [14. С. 76, 97] с корнем «Хур, Ур» / – «Солнце». Башкиры красивых девушек до сих пор характеризуют эпитетом «хур кыззары», буквально – «солнечные девы». Можно предположить, что в имени главного персонажа эпоса «Урал-батыр» также содержится корень «ур», указывающий на его связь с солнцем, со светлым, положительным качеством.

Этимологию же имени «Шульган», нам кажется, надо искать по месту пространственного нахождения его владений. Известно, что владениями Шульгана в эпосе называется подводный или потусторонний мир, который, по представлениям древних башкир, в пространственном отношении находится слева, на севере. В казахском и узбекском языках в слове «солтустек, султустек» («север») первая часть «сол» / «сул» указывает на нахождение северной стороны слева. Левая сторона, как у древних тюрков, так и у всех современных тюркоязычных народов обозначается словом «сол/сул», который в современном башкирском языке звучит как «һул». До нас дошел и тюрко-булгарский вариант данного слова в форме «шульга». Булгарским заимствованием через чуваш являются марийское «шола, шолагай» (левый) и мордовское «шулай» [16. С.84]. Видимо, для обозначения левой стороны вариант «шулька» су-

ществовал и в древнебашкирском языке. На это указывает то, что в Зауралье, в местах проживания древнебашкирского племени бурзян (ныне Баймакский район Республики Башкортостан) протекает речка с названием Шулька (Шүлкә) – левый приток реки Зилаир. На берегу речки Шулька располагается одноименная башкирская деревня.

В демонологии ираноязычных народов горного Бадахшана этнографами зафиксирован враждебный к человеку, уродливый персонаж, калека, со сломанной или поврежденной рукой, называемый Шуль [18, с. 66]. В мифологии народов мира персонажи с уродливостью, увечностью, отсутствием какой-то части тела принадлежат миру потустороннему, хтоническому. Примером, подтверждающим сказанное, может служить и башкирская сказка «Бире кызы Биранхылыу» (Биранхылыу – дочь Бирана), где старик – страж потустороннего мира показывает джигиту, попавшему в иной мир, свои владения, где все одноногие, однорукие и одноглазые [8, с. 146]. Все эти примеры, нам кажется, подтверждают, что в имени мифологического персонажа Шульгана – владыки потустороннего мира – наличествует компонент «шуль/шульга/шулька», указывающий на принадлежность этого персонажа к левой стороне, к хтоническому миру.

В борьбе со своим братом Уралом, олицетворяющим светлое, доброе начало, Шульган терпит поражение и уходит в созданное им же подводное царство. В башкирском фольклоре Шульган во всех случаях устойчиво занимает нижний, хтонический мир, властвует над подводным, потусторонним миром, окрашенным в черный цвет [5, с. 120]. В башкирской мифологии нет другого, кроме Шульгана, персонажа, олицетворяющего потусторонний, подводный мир и безоговорочно владеющего им. Другие отрицательные персонажи башкир-

ского фольклора (аждаха, дейеу, бире (пәрей), йен и т. п.) подчинены Шульгану. Он властвует над всеми другими отрицательными персонажами, вредоносным человеку и всему живому. Шульган получил свое имя по пространственному расположению его владений с левой стороны, то есть он «владыка (хан) левой, по-пусторонней стороны» (Шуль+хан).

В эпосе «Урал-батыр» мир начинает развиваться, расти в ходе движения братьев, то есть после того, как братья пускаются в странствование. По мере удаления братьев от «бер урын» мир все более расширяется, суша наполняется различными существами как положительного, так и отрицательного свойства. Движение в эпосе появляется только тогда, когда по велению Янбирде, Урал и Шульган уходят из отчего дома, чтобы исполнить отцовское поручение – найти и уничтожить Смерть. До этого, в том месте, где появилась суша и где начинает обитать первая пара людей, царит полный покой, нет ощущения движения и жизни, несмотря на то что в эпосе рассказывается об их житье-бытье. Мир здесь будто бы застыл. Только с появлением движения начинает появляться «Донъя» (Мир) в истинном смысле этого слова. В борьбе положительного героя Урала с силами зла, враждебными всему живому (аждаха, дейеу и переметнувшийся на их сторону Шульган), из хаоса возникает упорядоченный мир: всюду, куда пребывает Урал, мировые воды отступают, подымается суша-«гора» («тау»). Однако вода отступает не сама по себе, а только после титанических усилий Урала, который с помощью то волшебной сабли, то волшебного посоха смешивает водный хаос, разрубает его на части и только после этого из воды, подобно маслу из молока, возникает суша. Здесь в мироустроительной деятельности Урала просматривается мотив пахтанья.

В борьбе Урала с силами зла активно участвует и его сын Яйык. Видимо, Яйык также имеет отношение к пахтанью моря. На это указывают и языковые данные. Например, у туркмен кожаные мешки-маслобойки называются «йайык», в переводе с турецкого «йайыкта» означает «пахтать масло». В башкирском языке сохранилось выражение «май языу, языклау» («пахтать масло»). Здесь слово «языклау» – фонетически измененный вариант того же «йайыклау», где звук «й» переходит в интердентальный «з». Есть в башкирском языке еще одно восходящее к «йайык» слово «сайкау», «сайкатыу» («раскачивать, качать, мешать, взбалтывать»). Здесь произошел переход звука «й» в «с», что для тюркских языков также не редкость.

Башкирский материал подтверждает гипотезу А.М. Сагалаева [32, с. 51] о том, что у предков тюркоязычных народов в древности мог быть какой-то миф о пахтанье моря и создания таким путем суши. В этих процессах, происходящих во времена первотворения, когда Урал путем пахтанья первородного моря создает сушу, его старший сын Яйык мог быть не просто одним из участников, а главным божеством, связанным с пахтаньем моря и созданием земной тверди, продолжателем дела своего отца.

Когда Урал уже обошел Землю и маршрут его приближался к завершению, на помощь к нему приходят четыре батыра – сыновья самого Урала: Яйык, Нугуш и Идель; а также сын Шульгана – Сакмар. Для нашего исследования значимо, что эти батыры приходят на помощь Уралу после завершения им всех своих дел. Эти четыре батыра, на наш взгляд, равнозначны локапалам древнеиндийской мифологии, «охранителям мира», божествам-властителям стран света. Локапалы были представлены Брахмой. При этом Индра получил восток, Яма – юг, Варуна – запад, Кубера – восток. Позднее сло-

вом «Локапала» стали обозначать местных божеств, охранителей гор, рек, лесов и племен [29, с. 67].

Четыре башкирских батыра из эпоса «Урал-батыр» через своих матерей были связаны со сторонами света. Так, мать Яйыка принадлежала северу, Нугуш через свою мать Гулистан был связан с югом, Идель олицетворял запад, Сакмар – восток.

В башкирском языке есть слово «эйә» («владыка», «хозяин», «господин»). Вышеперечисленных четырех батыров так же можно назвать хозяевами сторон света – «эйәләр». О том, что у башкир были владыки сторон света, подтверждается материалами фольклора. Например, в сказках «Бузансы-батыр», «Караса-батыр», «Етегян-батыр», «Буре улы Сынтимер» центральный персонаж встречается в своем странствовании трех или четырех батыров-помощников, которых зовут «Тау-батыр» / «Гора-батыр», «Ертыңлар-батыр» / «Все слышащий батыр», «Урман-батыр» / «Лес-батыр», «Кульуртлар-батыр» / «Озерный батыр». Тау батыр – владыка гор, Урман-батыр – владыка лесов, Кульуртлар-батыр – владыка озер и вод. Эти четыре батыра в башкирской мифологии первоначально представлялись как стражи, хранители сторон света, а потом так же, как и в индийской мифологии, превратились во владык местностей. Подтверждением того, что первоначально под названными владыками (эйәләр) подразумевали именно охранителей сторон света, являются и древнеиндийские локапала, которые, как отмечает В.Н. Топоров, позже также стали обозначать местных божеств (охранителей гор, лесов, рек, племен и т. д.) [29, с. 67]. События, описанные в эпосе, доказывают, что четыре батыра Яйык, Нугуш, Идель, Сакмар – башкирские аналоги локапал. Со временем первоначальное функциональное значение этих персонажей было забыто или скорректировано применительно к новым условиям, они стали обо-

значать владык местностей (гор, лесов, озер, урочищ и т.п.).

Обойдя мир с четырех сторон, Урал завершает свою мироустроительную миссию: он должен уйти со сцены. В эпосе так и случается – Урал погибает, остаются его сыновья, продолжатели его дела уже на новом витке времени. Е.А. Окладникова [31, с. 50] на материалах алтайских тюрков, А.А. Вигасин [13, с. 100, 105] – на древнеиндийских пришли к одинаковому выводу, что мифический герой, завершая свою мироустроительную миссию, повторяя годовой путь дневного светила по небосводу, должен исчезнуть подобно солнцу, чтобы возродиться вновь.

Четыре батыра – это новое поколение продолжателей дела Урала. Они сражаются с дивами и аждаха, делая землю пригодной для жизни людей. Они же прорубают русла четырех башкирских рек (Яик, Нугуш, Идель и Сакмара) и дают своему народу, изнывающему от безводья, воду. Эти четыре южноуральские реки не что иное, как четыре мифические реки, стекающие с вершины Мировой горы по четырем сторонам света, соединяясь с Мировыми водами. Мифологема о четырех вселенских реках, о четырех райских реках очень распространена. Четыре реки упоминаются в мифологии древних скандинавов. У иранцев и индийцев Мировая гора связана с мифическим небесным потоком и мировым океаном. С иранского Хара-Березайти, как и с Меру (с Рипейских гор), берут начало земные реки [9, с. 55]. В эпосе «Урал-батыр» по берегам этих четырех рек позже расселяется народ, под которым подразумеваются башкиры. В силу господствовавшего в эпоху мифологического сознания этноцентристских воззрений все, что происходит в эпосе «Урал-батыр», подразумевается происходящим на Южном Урале, где из хаоса возникает суша, и одновременно там же появляются и пер-

вые люди, которые стали предками башкир. Изучение мест расселения башкирских племен по рекам Яик, Нугуш, Идель и Сакмара показывает, что в этих местах были расселены так называемые башкиры-семиродцы, от которых, по древним поверьям, образовался башкирский народ.

Процесс появления у народа постоянной территории обитания довольно хорошо отражен в мифах австралийцев об их предках: предки странствуют, проходят огромные расстояния, затем доходят до определенной местности, «уходят в землю» и с тех пор эта территория становится территорией данного племени [11, с. 15]. Башкирский Урал обходит огромные просторы, по пути уничтожая враждебные человеку силы, создает сушу, удобную для проживания людей, и в конце повествования умирает. Над его телом благодарные потомки возводят огромную гору, то есть Урал тоже оказался под землей и уже оттуда продолжает защищать своих башкир; Урал – одновременно первопредок башкир и родные горы, где живут башкиры, и где они всегда найдут защиту.

По сути своей эпос «Урал-батыр» для древних слушателей был учебником жизни, откуда они черпали свои познания об особенностях своей земли (природа, климат, география и т. п.) и об отношениях между людьми, населяющими эту землю. Соответствующую аналогию содержанию эпоса «Урал-батыр» мы находим в австралийских материалах. По Н.А. Бутинову, австралийские мифы рассказывают о странствованиях предков от одного места к другому, по всей территории племени, представляя собой наглядный урок географии: подробно описывается поверхность племенной территории, ее растительный и животный мир. По мифу можно составить карту племенной территории. Эти географические знания подаются в форме

рассказа о предках. В комплекс знаний, передаваемых в мифах, входит и материальная культура племени, обычаи и обряды, характер отношений с соседними племенами и т. д., причем все это преподносится не в виде абстрактных рассуждений («надо делать так-то»), что было бы недостаточно авторитетно, а в форме мифа о предках («предки делали так-то») [12, с. 462–463].

Древние предки башкир, создавшие эпос «Урал-батыр», через путешествие и борьбу двух демиургов (Урала и Шульгана) отразили свои представления о космогонии, то есть о процессе сотворения Мира / «Донъя». При этом Урал создал светлый мир / «якты донъя», где стали жить люди и все живое; Шульган создал тот, черный, потусторонний, подводный мир и стал его владыкой, в его владения переселились все враждебные человеку силы.

Литература:

1. *Аверинцев С.С.* Вода // Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 240.
2. *Альбедиль М.Ф.* В магическом круге мифов: Миф. История. Жизнь. СПб.: Паритет, 2002. 336 с.
3. *Альбедиль М.Ф.* Индуизм: Творящие ритмы. СПб.: Азбука, 2004. 256 с.
4. *Барроу Т.* Санскрит. М.: Прогресс, 1976. 412 с.
5. Башкирское народное творчество. Эпос / На башк. яз. Кн. 1. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1972. 242 с.
6. Башкирский народный эпос. М.: Наука, 1977. 518 с.
7. Башкирское народное творчество. Предания и легенды. / Сост., автор вст. ст. и коммент. Ф.А. Надршина. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 573 с.
8. Биранхылыу – дочь Бире // Башкорт халык ижады = Башкирское народное творчество: Әкиәттәр: сказки / отв. ред. тома Н. Т. Зарипов; сост. М. Мингажетдинов; А. Харисов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1976. С. 144–148.
9. *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. М.: Букинистика, 1983. 208 с.
10. *Брук С.Н.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., Наука. 1981. 880 с.

11. *Бутинов Н.А.* Проблема экзогамии (Из австралийских материалов) // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 3–27.
12. *Бутинов Н.А.* Леви-Строс – этнограф и философ (Приложение) // Леви-Строс К. Структурная антропология. М., Наука – ГРВЛ, 1985. С. 422–466.
13. *Вигасин А.А.* Диалог со смертью // Вопросы древней истории. 2000. № 2. С. 3–26.
14. *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Наука, ГРВЛ, 1970. 396 с.
15. *Дандес А.* Фольклор: семиотика и/или психоанализ. М., Наука. 2003. 279 с.
16. *Добродомов И.Г.* Тюркизмы славянских языков как источник сведений по фонетике // Советская тюркология. 1972. № 2. С. 34–43.
17. *Дугаров Д.С.* К этимологии слова «Юурэн, уур, ууры» // Советская этнография. 1981. № 1. С. 98–102.
18. *Зарубин И.И.* Бартангский и рушанские тексты и словарь. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 96 с.
19. *Кашина Т.И.* Семантика орнаментации неолитической керамики Китая // У истоков творчества. Новосибирск: Наука, 1978. С. 183–202.
20. *Кессиди Ф.Х.* От мифа к логосу. (Становление греческой философии). М.: Мысль, 1972. 312 с.
21. *Клейн Л.С.* Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и нартский эпос // Вестник древней истории. 1975. № 4. С. 14–27.
22. *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 592 с.
23. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. М.: Наука, 1980. 486 с.
24. *Конаков Н.Д.* Традиционное мировоззрение коми: пространство и время / Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996. 130 с.
25. *Кузеев Р.Г.* Национальные движения в прошлом и логика их современного развития // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Доклады междунар. науч.-практ. конф., 14–16 декабря 1992 г. В 2-х ч. Ч. 1. М.: Туран, 1993. С. 129–147.
26. *Леви-Брюль Л.* Первобытная мифология. Мифический мир австралийцев и папуасов / Пер. с фр. М.: URSS, 2010. 249 с.
27. *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М.: Наука, 1977. 205 с.
28. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Наука – ГРВЛ, 1976. 403 с.
29. *Мифы народов мира: энциклопедия Т. 2.* М.: Сов. энциклопедия, 1988. 719 с.
30. *Найдыш В.М.* Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М., Гардарики. 2002. 554 с.
31. *Окладникова Е.А.* Тропую Когульдея. [Наскал. искусство Горн. Алтая]. Л.: Лениздат, 1990. 187 с.
32. *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 155 с.

33. Токарев С.А. Религия австралийцев // Народы Австралии и Океании. М.: Изд-во АН СССР. 1956. С. 209–250.
34. Топоров В.Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира: энциклопедия Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1988. С. 6–9.
35. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / [Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова]; отв. ред. И. Н. Гемуев; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
36. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 1998. 800 с.
37. Шахнович М.И. Первобытная мифология и философия. Л.: Наука. 1971. 240 с.
38. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
39. Эйдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков Т. 4 (i—k) / Институт языкознания РАН. М.: Вост. лит., 2011. 416 с.
40. Юлдыбаева Г.В. Сюжет и стиль эпоса «Урал батыр». Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. – фольклористика (на башк.яз.). Уфа, 2006. 156 с.
41. Якутско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 620 с.

Zakiryan Aminev,

*Ph.D. in Philosophy, Senior Researcher at the Center
for Social Culturology and Anthropology, the Institute
of Socio-Political and Legal Studies of the Republic of Bashkortostan (Ufa),
aminevZG@isi-rb.ru*

The Epic «Ural-Batyr» in the cultural heritage of Bashkirs

The Bashkir people have a huge folklore heritage, which serves as an invaluable source for the study of their mythological and cosmogonic views. The author explores the Epic «Ural-Batyr», recorded in 1910 by the Bashkir folklorist Mukhametsha Burangulov from two outstanding connoisseurs of Bashkir antiquity – Gabit Argynbayev and Hamit Almukhametov, and its influence on the worldview of the Bashkir ethnos in a broad ethno-cultural context.

Keywords: historical and cultural heritage; Bashkir worldview; Bashkir culture; folk epic; mythology; pre-Islamic worldview; relics of pre-Islamic beliefs; intangible heritage; Ural.